

русский

пионер

ДОМ

№1(70) февраль 2017

16+

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 2

первая четверть

Открытый урок. Маленькое, но длинное стихотворение о доме. Константин Богомолов про дом, у которого нет адреса, но есть имя стр. 14

Урок правды. Неуютные люди. Марлен Хуциев про счастливых людей в Лианозово стр. 18

Урок поэзии. Проводы года Обезьяны и встреча года Петуха. Стихотворение Сергея Лаврова стр. 22

Урок классики. Домик подле Введения. Василий Розанов о домашнем благородстве стр. 24

Урок музыки. Дом-концерты. Юрий Башмет про дома, где он «в своей тарелке» стр. 26

Урок обществоведения. Землянка с автоматами. Эдуард Лимонов про сходство землянки с тюремными «хатами» стр. 28

Урок уроков. Дом как дом. Джахан Поллыева про самые родные души стр. 32

Урок этики. Мои домовые. Андрей Макаревич о том, что живет один стр. 36

Прогул уроков. После «Дома». Ольга Бузова о бегстве к себе стр. 40

Урок литературы. Два дома. Дмитрий Быков о доме в Чернобыле, про который он не хотел рассказывать стр. 42

вторая четверть

Пионер-герой. Тундродом. Специальный корреспондент «РП» про Запад, Восток и особенно про Север стр. 48

Дневник наблюдений. Спасти Пшемисла. Обозреватель «РП» в такси стр. 56

Следопыт. Без башни. Обозреватель «РП» исправляет историю стр. 62

третья четверть

Диктант. Обездомленные. В тему номера *стр.* 72
Сочинение. Аномалка. Рассказ **Майка Гелприна** *стр.* 74
Комикс **Андрея Бильжо** *стр.* 85

четвертая четверть

Урок мужества. Дочь в музее. Обозреватель «РП» учит отказываться *стр.* 90
Урок географии. Праведник или безумец с острова Лампедуза. **Виктор Ерофеев** и переселение народов *стр.* 96
Фотоувеличитель. Посадить дома *стр.* 103

группа продленного дня

Правофланговый. Буй. **Виктор Ерофеев** про развязку всех дорог России *стр.* 124
Правофланговая. Здесь и сейчас. **Ингеборга Дапкунайте** о том, как трудно жить в месте с низким потолком *стр.* 128
Звеньевой. То же небо, опять голубое. **Владимир Кристовский** о самолете и белых бусах *стр.* 130
Знаменосец. Дом в конце времен. **Кирсан Илюмжинов** про планетарное сообщество, к которому придем *стр.* 132
Завуч. Дом № 12. **Андрей Бильжо** про старшего по дому *стр.* 134
Пионервожатая. Не хочу домой. **Алена Свиридова** про нереальную тишину и много солнца *стр.* 138
Чтец. Огниште. **Милош Бикович** о том, где его дом *стр.* 142
Звеньевая. Место силы. **Анна Шукшина** про Дом с большой буквы *стр.* 146
Отличник. Дядя В. и дядя В. **Юрий Григорян** о том, что потерять дом гораздо проще, чем его получить *стр.* 150

*Отличница. Изба кощеля. **Майя Тавхелидзе** про голубые глаза, в которых что-то не то *стр. 152**

*Пионервожатый. Главней всего. **Андрей Молчанов** о том, что красивые дома вдохновляют *стр. 154**

*Звеньевая. Одеядло из соболя и личная удочка. **Екатерина Истомина** про свой каникулярный дом *стр. 156**

*Физрук. Стоп, спокойно! **Даниил Квят** о том, когда он предпочитает русский *стр. 158**

*Пионервожатая. Дом в клубничном поле. **Елена Жихарева** про мир вокруг дома *стр. 160**

*Центровой. Каждый день заново. Сэр **Пол Смит** о том, что жить надо легко и в удовольствие *стр. 162**

*Запевала. Тапочки для души. **Ольга Аничкова** про свой дом-театр *стр. 164**

*Барабанищик. Семашко, 42. **Сергей Петров** про свою Александрию *стр. 166**

*Подшефная. Константно. **Дарья Белоусова** о том, что дом — это очень просто *стр. 170**

*Горнист/Энотека. Один дома. **Вита Буйвид** о домашних вечеринках *стр. 172**

---

*Всегда готово. Карамельные мосты. **Николай Фохт** сам себе повар *стр. 176**

*Внеклассное чтение. «Верни мне, Вар, мои легионы». Стихи **Сергея Яковлева** *стр. 182**

*Литературный конкурс. «Рассказ на пальцах» *стр. 186**

---

*Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 191**

Первая четверть.

Открытый урок. Маленькое, но длинное стихотворение о доме. **Константин Богомолов** про дом, у которого нет адреса, но есть имя. *Урок правды.* Неуютные люди. **Марлен Хуциев** про счастливых людей в Лианозово. *Урок поэзии.* Проводы года Обезьяны и встреча года Петуха. Стихотворение **Сергея Лаврова**. *Урок классики.* Домик подле Введения. **Василий Розанов** о домашнем благородстве. *Урок музыки.* Дом-концерты. **Юрий Башмет** про дома, где он «в своей тарелке». *Урок обществоведения.* Землянка с автоматами. **Эдуард Лимонов** про сходство землянки с тюремными «хатами». *Урок уроков.*

Дом как дом. **Джахан Поллыева** про самые родные души. *Урок этики.* Мои домовые. **Андрей Макаревич** о том, что живет один. *Прогул уроков.* После «Дома». **Ольга Бузова** о бегстве к себе. *Урок литературы.* Два дома. **Дмитрий Быков** о доме в Чернобыле, про который он не хотел рассказывать.

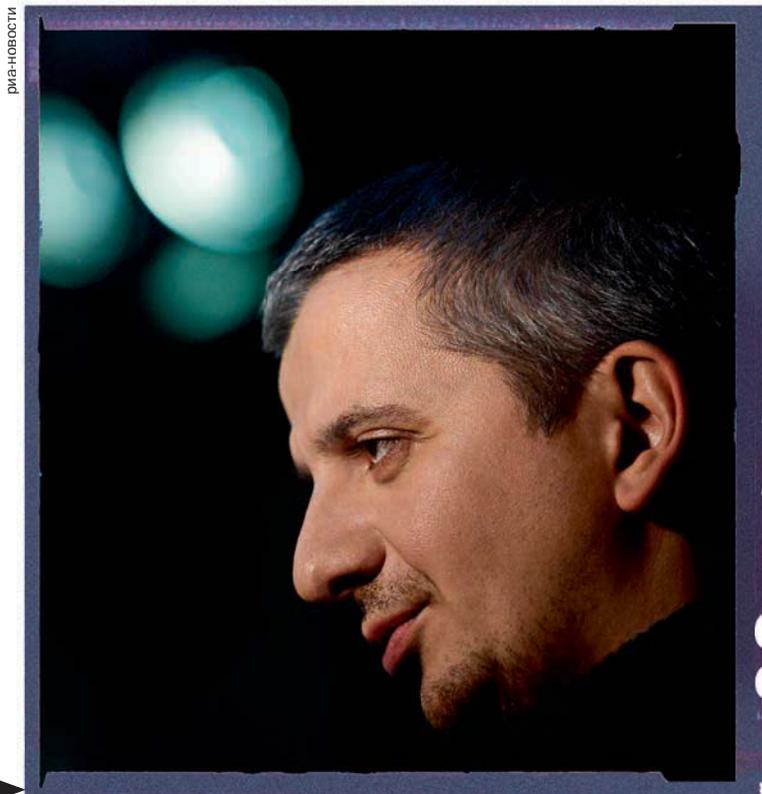

РИС-НОВОСТИ

Маленькое, но длинное стихотворение о доме

текст: константин богомолов рисунок: мария заикина

Режиссер **Константин Богомолов** пытается разобраться — и делает он это в поэтической форме — в том, что же такое его дом, который, может быть, не его дом. А его дом — он в ком-то другом. Читателю предстоит пройти все круги этой запутанной истории.

эпитафия:
и говорил один повар:
раковина моллюска — тело его
а склизкая субстанция внутри — душа
спрысни лимонной горечью
так вкуснее

1

бог с ним
с тем поваром

2

у меня нет дома
у меня есть дом
я пишу о доме
я хочу объяснить, что такое дом
дом — это не то, что вы думаете

3

дом — это не крыша/пол/стены/потолок/двери/окна

4

в доме нет крыши
в доме нет пола
нет стен
нет потолка
нет дверей
нет окон

5

дом во мне/в тебе/в ней/в нем

6

дом — это человек
это ты/я/он/она

7

дом внутри, а не снаружи
и внутри меня, и внутри тебя — дом

8

но дом во мне не для меня
и дом в тебе не для тебя

*я хочу объяснить,
что такое дом
дом — это не то,
что вы думаете*

9 _____

это дом для кого-то другого

10 _____

и когда там беспорядок
кто-то пришедший в дом приберется в нем
и когда там темно
кто-то зажжет свет
или будет сидеть
внутри меня/тебя в темноте
и смотреть в окно на ночную пустую улицу

11 _____

мои глаза — не мои глаза
твои глаза — не твои глаза
наши глаза — глаза тех, кто смотрит из нас
из своих домов

15

12 _____

когда дом оставляют
в нем не гуляет ветер
потому что уходящий
плотно закрывает ставни

13 _____

в нем не гуляет ветер
но гуляет таракан
которого никто не раздавит

14 _____

впрочем, таракан сам
умрет от голода
потому что холодильник и мусорка пусты

15 _____

потом
в этот дом въедут новые жильцы
в дом, который во мне
в дом, который в тебе

16 _____

но хватит о тебе
это **мое** стихотворение
и не мой дом
а мой дом
он в ком-то другом
он был в тебе
но это мое стихотворение
и уже не мой дом
и меня не найти по этому адресу

17 _____
у дома нет адреса
но есть имя

18 _____
имя дается раз и навсегда

19 _____
но его можно поменять

20 _____
однажды давно
я забыл адрес моего дома

21 _____
я немного искал
но не нашел
и больше никогда не был в том доме

22 _____
но я не расстроился
я нашел пустой дом
много пустых домов
я нашел пустой дом
и стал в нем жить

23 _____
однажды
я забыл от дома ключи
и вышел
и дверь захлопнулась
и я больше не смог вернуться
это было глупо
но не смертельно
я нашел пустой дом и стал в нем жить

24 _____
с тех пор я не забывал ключи,
но однажды
я забыл закрыть дверь
я был так беззаботен
что забыл закрыть дверь
и в доме поселился кто-то другой
он запер дверь изнутри
и смотрел в глазок, пока я стучался
и мне некуда было пойти
и я пошел
по кругу

25 _____
я ходил по кругу
как собака

что ложится спать на коврик
перед дверью

26 _____
я шел по кругу
долго
пока
идя по кругу
не пришел к дому
дверь этого дома была открыта
я зашел
он был пуст
там было не прибрано
но я не стал прибираться
я лег спать на кровати
которая почему-то пахла тем домом,
в который я не мог попасть

27 _____
почему она пахла тем домом, в который
я не мог попасть — спросил я
спросил и заснул

28 _____
я спал беспробудно
как собака на коврик
потом не спал

29 _____
потом спал чутко
как собака на коврик
потом не спал

30 _____
когда я спал — мне снилось, что я не сплю
когда я не спал, мне ничего не снилось
а очень хотелось, чтобы снилось хоть что-то
пока я не спал

31 _____
а утром в окно светило солнце
и я стал прибираться в этом доме
потому что в нем было не прибрано

32 _____
и когда я прибрался, я вышел погулять
я отошел от дома, обернулся и понял:
я вышел из себя

33 _____
я рассмеялся
так легко мне стало

34 _____
я отходил от дома все дальше и дальше
нет

я отлетал от дома все выше и выше
выйдя из себя, я стал без себя таким легким
как дым из трубы
легче воздуха стал я
словно снял с себя тяжесть

35 _____
я шел по залитой солнцем улице
или улетал в синее небо

36 _____
а дом, в котором я провел эту ночь,
оставался где-то там далеко
дом, в котором я провел эту ночь, оставался
где-то там внизу

37 _____
он был пуст/прибран

38 _____
а я шел
я летел

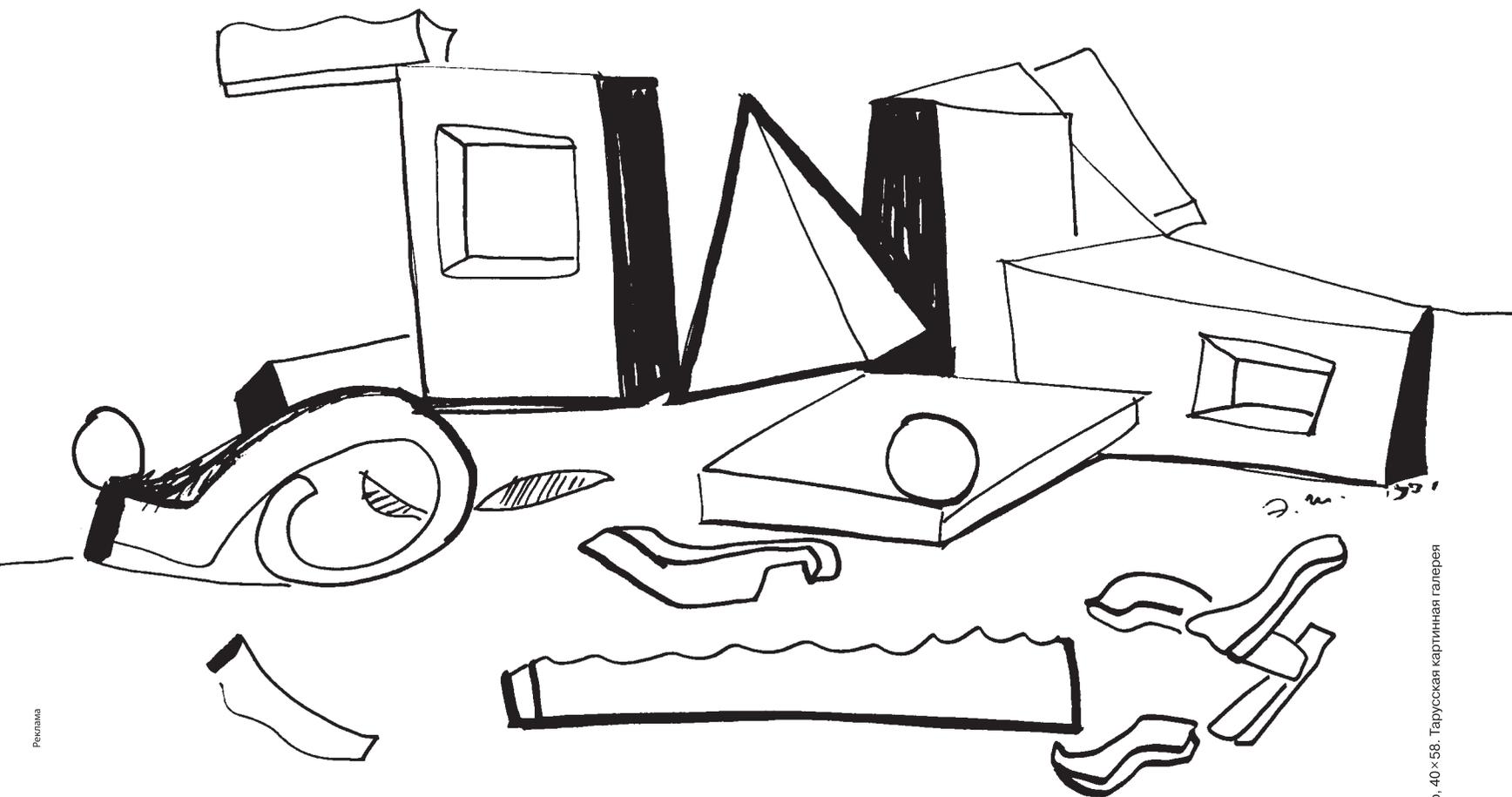
39 _____
Домой

40 _____
пустую ракушку
подняла девочка у моря
и приложила к уху
и, улыбаясь
слушала шум
и говорила:
па-па па-па-ра-па па-па па-па-ра-па па-па
па-па-ра-па па-а-а-а-а па-ра-па-па-па

41 _____
у меня нет дома
у меня есть дом
я пишу о доме
я хочу объяснить, что такое дом
дом — это не то, что вы думаете

ЭДУАРД ШТЕЙНБЕРГ

Если в колодце живет вода...

Реклама

московский музей современного искусства
 гоголевский бульвар, дом 10
 +7 495 690 68 70
 www.mmoma.ru

генеральный партнер проекта

стратегический партнер проекта

медиа партнеры

ИСКУССТВО
ИЗДАТЕЛЬ С 1913 ГОДА

пионер

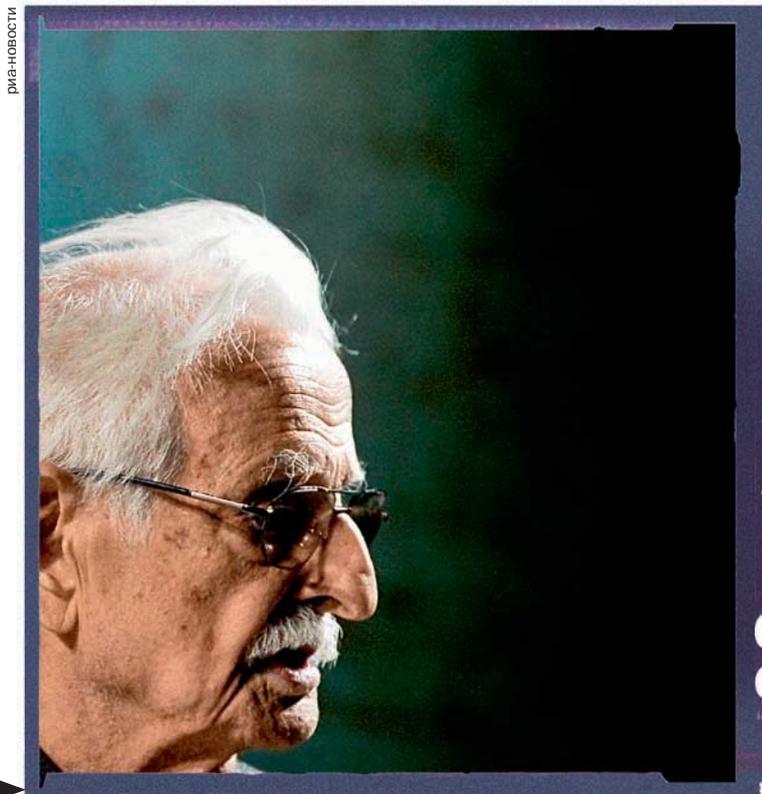
художественное оформление
реализовано при поддержке

COLTA

7.2 — 19.3.17
 ГОГОЛЕВСКИЙ 10

Неуютные люди

текст: марлен хуциев

Режиссер **Марлен Хуциев** вспоминает, как однажды он видел много счастливых людей. Они были счастливы, потому что вместе строили дом. И это счастье было таким заразительным, что сама собой стала сочиняться история про большую семью, про дом. Вот так зарождается большое кино.

ОДНАЖДЫ я видел много счастливых людей. Это было в Лианозово, за дачным поселком. Люди эти были заняты хорошим делом — строили дом. Вернее, рубили дачу.

Собралась большая семья: дядя, двоюродные и троюродные братья — и для пришедшего из армии парня строили жилище, парень собирался вскоре жениться.

Работали они споро, ругались беззлобно и даже как-то весело, зубоскалили. Крепкие тетki готовили им еду, ребяташки тоже что-то мастерили...

Было лето, свежие, золотистые бревна блестели на солнце, визжали пилы, сыпались опилки, стружки гирляндами стлались по земле... На меня не обращали внимания — ну смотрит человек, пусть смотрит, если интересно. Мне действительно было интересно, приятно было находиться в этой веселой, праздничной какой-то обстановке, хотелось тоже что-то сделать, включиться. Я умел все то, что они делали, ну или почти все. Постеснялся. И правильно. Это был их праздник.

Когда уже заканчивали крышу, вдруг потемнело и пошел дождь. Сильный, шумный. Все спрятались в недостроенном еще доме, дождь гвоздил по свежим доскам, где-то протекало, но было очень хорошо. Перерыв в работе всегда кстати: народ закурил, появилось предложение, одобренное большинством, — смотаться в селпо за сугревом. Меня как-то уже считали за своего (или мне так казалось), и это было приятно. Удивлялись, что я никогда не видел, как рубят избы, спрашивали, кто я по профессии и по национальности...

Летний дождь недолог.

Мне нужно было идти, я попрощался со своими новыми знакомыми. Меня не задерживали, хотя до этого решено было «сообразить за знакомство».

Я обещал зайти завтра.

Уходя, я заметил у двери (крыльца еще не было) свежеструганый новенький скворечник и рядом с ним такую же конуру. У новой конуры сидела еще не высохшая собака. Собака посмотрела на меня доброжелательно.

Я шел, и стала сочиняться какая-то история про большую семью, про дом...

Не помню, прошлое любит окутываться дымкой Благощности.

— Спрягаться надо, сопрягать...

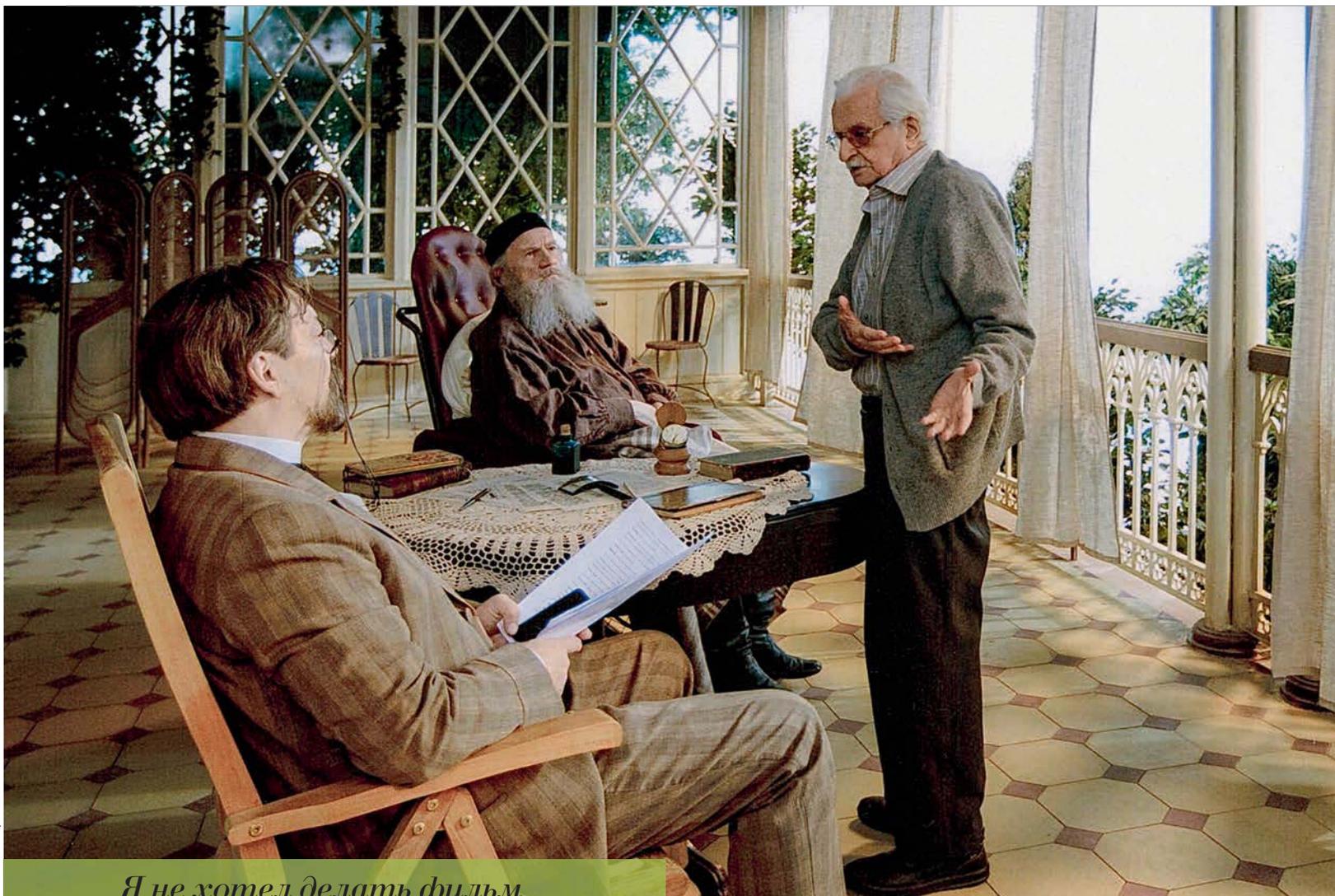
— Запрягать надо, запрягать!

Л. Толстой. «Война и мир»

Заканчиваю картину о Толстом и Чехове. Работаю долго, нелегко. Говорить об этом неинтересно — почему нелегко и долго.

Начиная, я понимал: самое главное — почувствовать этих людей, понимал, что никакие воспоминания тут не помогут, добросовестно читал все, что можно, раздражался, что много интересного, а все не то, не то, что мне нужно. Я не хотел делать фильм с чужих слов, мне это было неинтересно. Что Толстой, что Чехов не очень подпускали к себе. Письмам и дневникам не очень доверяю. Дело шло, но как-то без восторга.

Я не хотел делать фильм с чужих слов, мне это было неинтересно. Что Толстой, что Чехов не очень подпускали к себе.

Как-то теплохладно. А так — нельзя. Я не собирался экранизировать учебник литературы для средней школы. Конечно, я немного на себя наговариваю, не так уж все было скверно...

Экскурсовод: «И кажется — он только отложил перо и вышел... сейчас он вернется...»

Он — это Пушкин, Толстой, Гоголь, Чехов и т.д.

Экскурсоводов надо понять — они люди восторженные. С другой стороны, изо дня в день, изо дня в день, да по несколько раз — интересно, что они думают на самом деле?

В Хамовниках я был. Самое большое впечатление на меня произвели стоящие у лестницы на коленях индусы. Смотрительницы к этому давно привыкли.

Какой-то невеселый дом. Не зря Толстой его не любил, хотя сам выбирал, сам перестраивал — правда, вокруг был очень большой сад, которого сейчас нет. Неуютный дом. Все как у людей: люстры, рояль, чучело медведя...

И только две небольшие комнатки в нижнем этаже. Комната, в которой Л.Н. работал, низко наклоняясь над письменным столом — он был близорук, но очков не носил. Нравный старик.

И другая комнатка — где верстак, где граф учился шить сапоги. Не знаю — здесь комок подступает к горлу...

Ясная Поляна. Здесь я в первый раз.

И то же самое. Небогатый, не вызывающий никаких чувств дом. Нежилое, музейное пространство-помещение. Восстановленное. Не до конца разрушили немцы — отступали быстро, не до этого было.

Подшел какой-то человек, узнал меня. Сказал, что он последний толстовец, что в этом святом месте, как в храме, — нужно стоять на коленях. И правда, он то и дело вставал на колени и шептал что-то в бороду. Еще сказал, что отсюда начнется великое возрождение России.

Много говорил о Ганди. Прощаясь, подарил тоненькую книжечку своих стихов «Птицы небесные» и еще одну — «Пчелы трудовые». Наверное, большой человек... Жалко... А сколько таких к Толстому приходило, и ему тоже было их жалко...

Граф Лев Николаевич перестраивал дедовский дом, азартно хозьяйствовал, очень хотел счастья, и, наверное, было счастье в этом доме — было и ушло. Как это случилось? Толстой, наверное, не понимал этого, но все вдруг стало чужим. И его вопрос — зачем всё? — на который нет ответа.

Хорошо было в комнате под сводами: тут все крепко, толстые стены, как в пещере, тяжелый дедовский дубовый ларец с кованым железом — в нем хранил черновики (такой же возил с собой Пушкин), коса, тулуп, уздечка, ничего лишнего. Бежал в бедность, ужасался своей прежней роскошной жизни. Неуютно жил. Считал, что это правильно, что только так и можно жить. Его не понимали близкие, родные люди. Он упорствовал, страдал, что мало в нем любви, а если нет любви — зачем всё?

И ушел. «Запрягать надо, запрягать!»

Уход Толстого — это трагедия такого масштаба, что братья за нее — писать, снимать — не знаю кому под силу. А ведь пытаются отобразить, разыграть в лицах...

Тут нужна дантевская мощь, мощь нелюбимого Толстым Микеланджело.

Не надо, займитесь чем-нибудь другим.

Вот так я, как мне кажется, стоя в комнате под сводами, почувствовал и понял Толстого. Я был один в этой комнате, темно. Может быть, что-то и получится, думал я.

«Симпатичный талант». Так в одной из критических статей был назван Антон Павлович Чехов. И он, человек с большим чувством снисхождения к людям, необычайно любивший и понимавший все нелепое и смешное, был взбешен и долго не мог успокоиться.

Антон Павлович тоже построил дом. В Ялте. По совету врачей. Считалось, что крымский климат будет для него целителем. Врачи ошиблись.

Антон Павлович тоже построил дом. В Ялте. По совету врачей. Считалось, что крымский климат будет для него целителем. Врачи ошиблись. Знающие люди подсказали место для застройки, земля там была дешева, но вскоре здесь должна пройти железная дорога, и вот тогда... Знающие люди тоже ошиблись.

Но дом Антон Павлович построил. Говорили, что это самый красивый дом в Ялте — вилла «Бездна Вкуса». Рядом, почти впритык, находилось старое татарское кладбище, летом были сложности с водой, зимой было холодно, дуло изо всех щелей — «Бездна Вкуса», ничего не скажешь...

А еще А.П. женился и связал свою судьбу с Художественным театром.

Он был серьезно болен. Жил зимой в Ялте один... Писал. Писал трудно. Крым очень неласковый зимой. Небо серое, море серое, и ветер, ветер...

Желание дано человеку в насмешку над ним. Вот, сбилось — и что дальше?

То, что он построил несчастливый дом, Чехов понял после первой проведенной в новом доме зимы.

У входа стоял отвратительный мопс из папье-маше. Подарок. Сейчас мопса нет, какие-то шутники похитили его. Не знали, что с ним делать, когда веселье кончилось, и бросили где-то на окраине Ялты. Но мопс не погиб, его через год нашли. Отреставрируют — снова стоять будет...

Приходило очень много писем. Переписку Чехова с женой читать трудно. Она, видно, не понимала, насколько он болен и что ей не на сцене играть нужно. Переписка шуточная и от этого абсолютно невыносимая. Писал бравый усач Станиславский, писал вальяжный, самодовольный, очень оборотистый человек — Немирович.

«Театр гибнет, скорее новую пьесу!»

«Твой театр гибнет! Когда, когда, когда???!»

До театра ли было Антону Павловичу Чехову? До сверчков, скрипа петель, скрипа половиц и прочего «Настроения». Он кашлял и писал, мерз, задыхался, кашлял и писал — человек он был ответственный. Может быть, хотел отвлечься от своей хвори, как-то замять ее работой.

А хорошие, тонкие, одержимые искусством люди не понимали, что человек гибнет.

«Когда же, все в ожидании!»

«Ты единственный! Ждем, ждем, ждем!»

А у единственного горлом кровь шла...

В Ялте Чехов написал «Три сестры» и «Вишневый сад» — пьесы мрачные, безнадежные, по настроению, по мыслям, можно сказать, автобиографические.

Пьесы о человеческом равнодушии. О равнодушии всеокружающему. Я завидую смельчакам, берущимся ставить их, ребята отчаянные.

— Чехов так современен!

Конечно, современен: оглянитесь вокруг — равнодушие, легкомысленности, несбыточных

мечтаний, нежелания трудиться уже через край. И все прибывает и прибывает.

А курортники идут и идут в домик Чехова. А что еще делать — культурное мероприятие. Правда, сейчас еще есть дельфинарий.

Толкуются в неуютном кабинете, разглядывают «уважаемый шкаф», подаренный Антону Павловичу дядей-краснодеревщиком, разглядывают фотографии, фотографий много...

— Ну наконец-то! — громко говорит курортник, забавно подмигивая группке таких же курортников-отдыхающих. — Наконец-то сподобился лицезреть стол, за которым несравненный наш классик написал свою несравненную «Му-Му»!

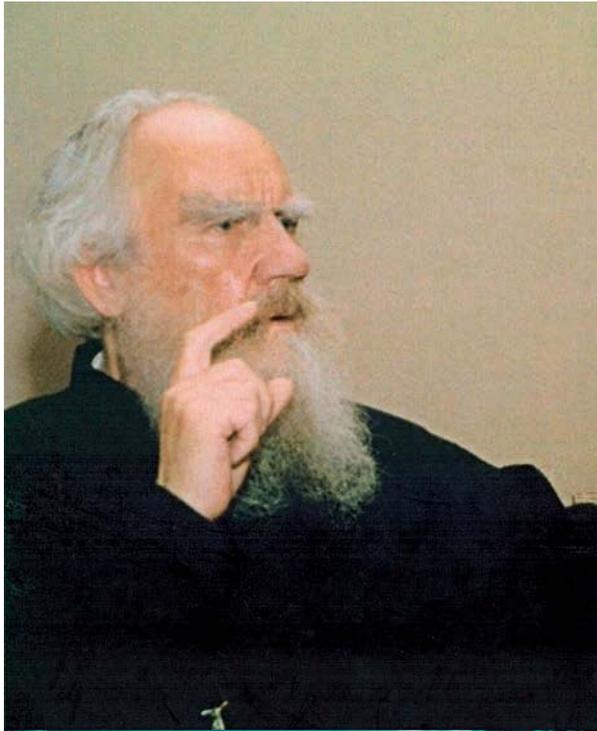
Он делает паузу, добротную мхатовскую паузу... И как бы спохватывается, машет рукой:

— «Каштанку», «Каштанку»!

Все смеются.

И это хорошо.

Антон Павлович любил веселых людей!

из личного архива (4)

Проводы года Обезьяны и встреча года Петуха

текст: сергей лавров

Глава МИД России **Сергей Лавров** уже выступал со стихами на страницах «РП» (см. № 52 за 2015 год).

Сегодня мы публикуем его стихотворение, посвященное уходящему году Обезьяны и наступающему году Красного Петуха. Это по китайскому календарю 28 января 2017 года случилось. С Новым годом, дорогие читатели!

МОЖЕТ БЫТЬ, я слегка уже пьяный,
И рука не тверда на струне.
Надо выпить за год Обезьяны
Поскорей, пока память при мне.

Прошлый год на расправу был скорым —
Погибали поэты, певцы,
Президенты, премьеры, вахтеры —
Все подряд отдавали концы.

Не щадил он ни рангов, ни званий —
Все равны, коль ногами вперед.
Говорили, что год обезьяний
Как зловещий в анналы войдет.

Вся страна затаилась с опаской,
Ожидая, что будут опять
Не победы, а крах и фиаско,
Не прогресс, а движение вспять.

В этот год не родился картофель,
Ели брюкву — и то хорошо.
На червонцах поморщился профиль
И разменной монетой пошел.

Хлеба нет — повалило ненастье,
Задолжали мы за рубежом...
Долг огромный, и долг этот красен
Кровью с потом, а не платежом.

Нет просвета — сплошные изъяны,
Обложил непроглядный туман.
Виноваты во всем обезьяны,
Только спрос небольшой с обезьян.

Если логике следовать этой,
То придется смиренно признать:
Обезьянней была пятилетка...
Только как же столетье назвать?

Ну а мы? Если спросят — нормально.
Жизнь идет, вот и кончился год.
И веселым он был, и печальным —
Как любое движенье вперед.

В среднем поровну слез и улыбок.
Год как год — ничего не отнять.
Разве только чуть больше ошибок
Довелось в этот год совершать.

Почему-то китайским аршином
Стало модно года измерять.
Говорят, новый год — петушиный.
Это что же, опять куковать?

Будем в новом году петушиться,
Будем в песнях пускать петухов.
Может, красный петух порезвится
Власть над крышами наших домов.

Видно, будет значительно проще
Петухам в этот год кур топтать,
Но при этом, наверное, в ощиц
Им придется самим попадать.

Петушина грудь вся в наградах.
Кукареканья, перья да пух...
Дай-то бог, в этот год кого надо
Клюнет жареный в спину петух.

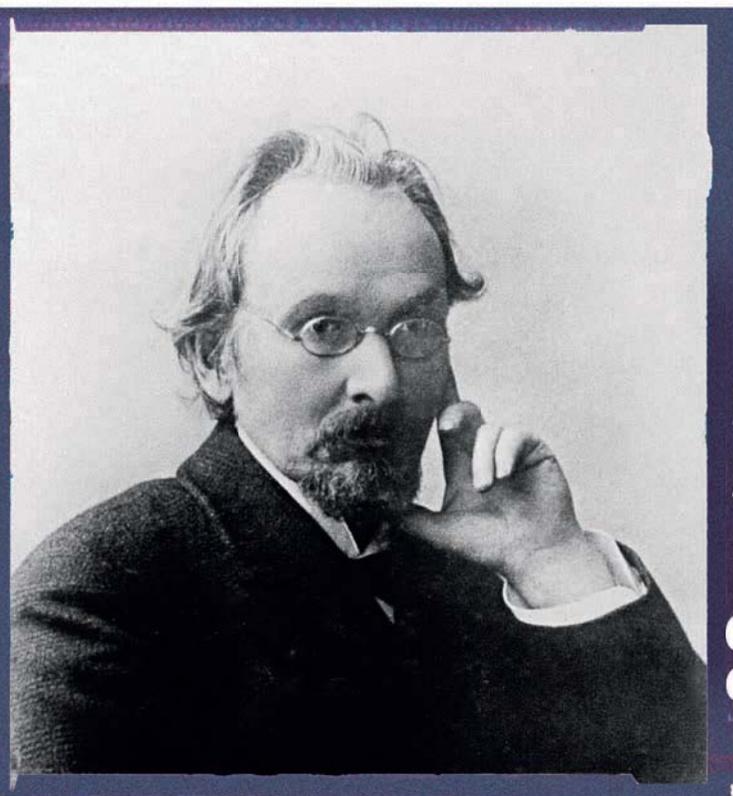
Ну а мы за родную державу
Постоим, как всегда, не за страх.
Завоеем желанную славу
Мы в лихих петушиных боях.

В общем, будет, видать, не подарком
Этот год. Только нам все равно.
Никаким петухам и цесаркам
Не удастся пустить нас на дно.

Будем жить. Год не может быть лишним.
И признаемся как на духу:
Надо выпить. За нас. С наступившим.
Не забудьте налить петуху.

31 декабря 1980 года

Домик подле Введения

текст: василий розанов рисунок: маша сумнина

Почему так? Вроде бы и архитектура схожа. И стройматериалы одни и те же. Но один дом — какой-то темный и злой. И люди в нем несчастные. А другой — теплый и душевный. И жизнь в нем ладится. Философ **Василий Розанов** написал свой текст еще до появления журнала «Русский пионер» — лет за сто. Но получилось так, как будто прямо в тему номера. Сами посудите.

То, чему я никогда бы не поверил и чему поверить невозможно, — *есть в действительности*: что все наши ошибки, грехи, злые мысли, злые отношения, с самого притом детства, в юности и проч., имеют себе *соответствие* в пожилом возрасте и особенно в старости. Что жизнь, таким образом (наша биография), есть *организм*, а вовсе не «отдельные поступки».

Жизнь (биография) *органична*: **кто** бы мог этому поверить?! Мы всегда считаем, что она «цепь отдельных поступков», которую я «поверну **куда** хочу» (то есть что такова жизнь).

Как я чувствовал родных? Никак. Отца не видел и поэтому совершенно и никак его не чувствую и никогда о нем не думаю («вспоминать», естественно, не могу о том, чего нет «в памяти»). Но и маму я, только «когда уже все кончилось» (†), почувствовал каким-то большим чувством, при жизни же ее не почувствовал и не любил; и мы, дети, до того были нелепы и ничего не понимали, что раз хотели (обсуждали это, сидя «на бревнах», — был «сруб» по соседству) жаловаться на нее в полицию. Только когда все кончилось и я стал приходить в возраст, а главное — когда сам почувствовал первые боли (биография), я «вызвал тень ее из гроба» и страшно с ней связался... Только потом (из писем к Коле) я увидел или, лучше сказать, узнал, что она постоянно о нас думала и заботилась, а только «не разговаривала с дураками», потому что они «ничего не понимали».

Но на наш «не мирный дом» как бы хорошо повеяла зажженная лампадка. Но ее не было (денег не было ни на масло, ни на самую лампадку).

И весь дом был какой-то — у!-у!-у! — темный и злой. И мы все были несчастны. Но что «были несчастны» — я понял потом. Тогда же хотелось только «на всех сердиться».

*И никто вообще никого не обижал
в этом благословенном доме.
Тут не было совсем «сердитости»,
без которой я не помню
ни одного русского дома .*

До встречи с домом «бабушки» (откуда взял вторую жену) я вообще не видел в жизни гармонии, благообразия, доброты. Мир для меня был не Космос (жодцеω — *украшаю*), а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, **что** такое и зачем вообще жизнь? — такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, «О понимании») — этого всегда хотелось, это «летело»: но что творится, в области действия или вообще «жизни», — хаос, мучение и проклятие.

И вдруг я встретил этот домик в 4 окошечка, подле Введения (церковь, Елец), где было все *благородно*.

В первый раз в жизни я увидел *благородных людей и благородную жизнь*.

И жизнь очень бедна, и люди бедны. Но никакой тоски, черни, даже жалоб не было. Было что-то «благословенное» в самом доме, в деревянных его стенах, в окошечке в сених на «За-Сосну» (часть города). В глупой толстой Марье (прислуге), которую терпели, хотя она глупа, — и никто не обижал.

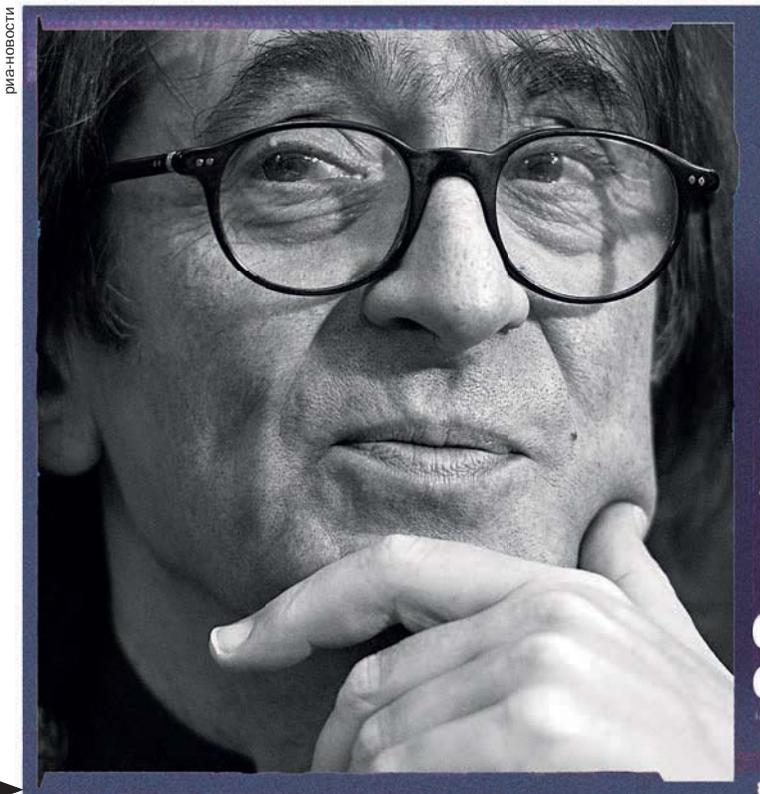
И никто вообще никого не обижал в этом благословенном доме. Тут не было совсем «сердитости», без которой я не помню ни одного русского дома. Тут тоже не было никакого завидования, «почему другой живет лучше», «почему он счастливее нас», — как это опять-таки решительно во всяком русском доме.

Я был удивлен. Моя «новая философия», уже не «понимания», а «жизни» — началась с великого удивления...

«Как могут быть синтетические суждения *a-priori*»: с вопроса этого началась философия Канта. Моя же новая «философия» жизни началась не с вопроса, а скорее с зренья и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости от одного этого — счастлива; как люди могут во всем нуждаться, «в судаке к обеду», «в дровах к 1-му числу»: и жить благородно и счастливо, жить с тяжелыми, грустными, без конца грустными воспоминаниями: и быть счастливыми по тому одному, что они ни против кого не грешат (не завидуют) и ни против кого не виновны.

Ни внучка 7 лет, «Санюша», ни молодая женщина 27 лет, ее мать, ни мать ее — бабушка, лет 55.

И я все полюбил. Устал писать. Но с этого и началась моя новая жизнь. **PII**

Дом-концерты

текст: юрий башмет рисунок: аксеновы

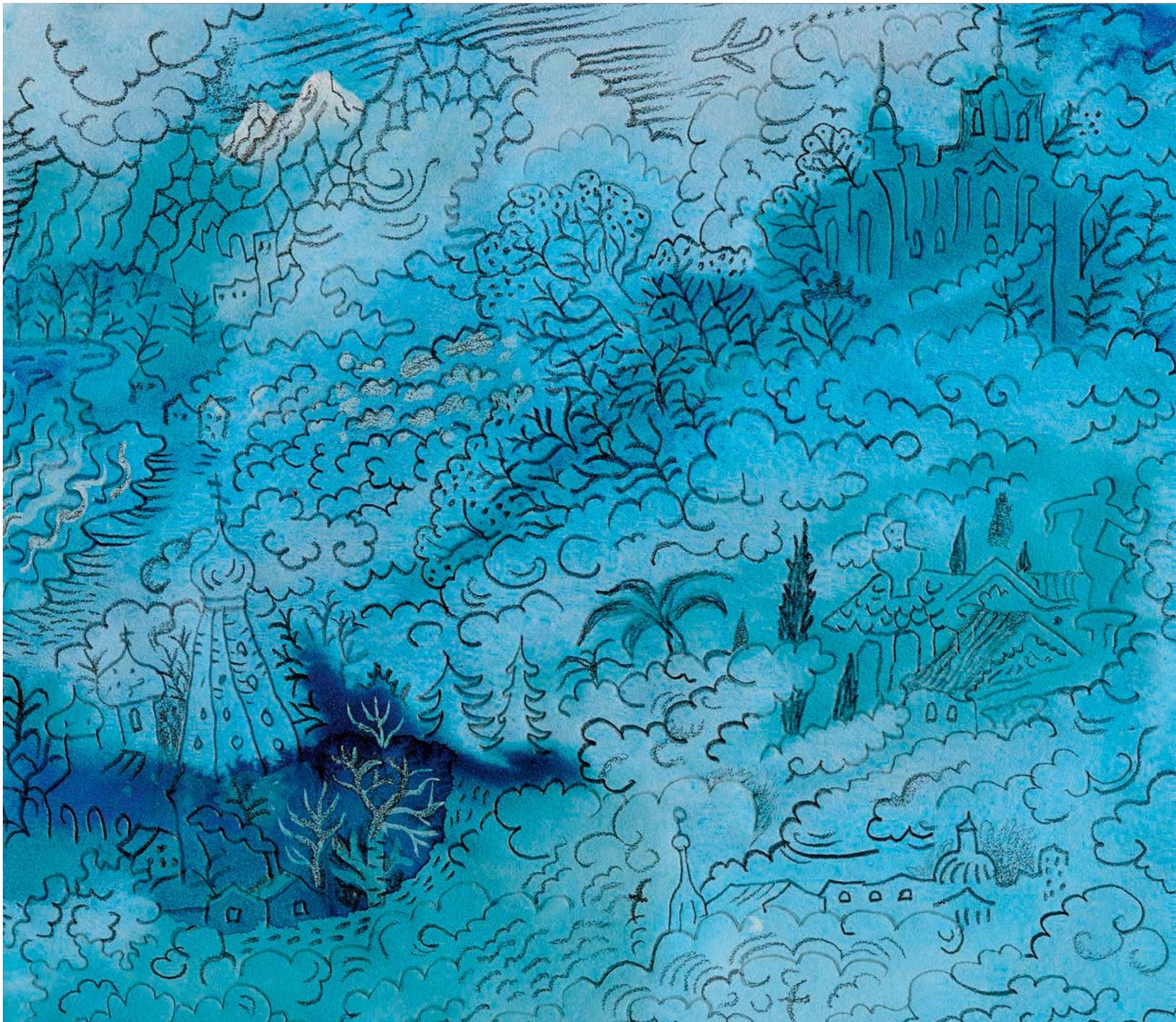
В этом номере представлены, кажется, все виды домов. Но можно точно утверждать, что другого такого, как у музыканта **Юрия Башмета**, нет. Это концертный дом. Да еще и не один. Главное, что в каждом из них **Юрий Башмет** — «в своей тарелке».

ДОМ, что такое дом для артиста, для музыканта, да для любого творческого человека, который практически все время в пути? Не знаю, конечно, есть место, где я живу, квартира в Москве, дом в Подмосковье, но все равно для меня, скорее, понятие дома делится на две части. Это дом детства, даже не совсем то место, где я родился, потому что саму квартиру в Ростове-на-Дону я помню достаточно смутно, а вот Львов и квартиру во Львове я помню просто отлично. А дом сейчас для меня — это все же концертные залы, самолеты, поезда, разные города и страны, почти весь мир.

Дом детства — это, конечно, прежде всего воспоминания очень предметные. Мама и папа, мой брат. Друзья, первые удачи и неудачи жизненные, потом уже мои приезды с концертами во Львов, все равно домой. Мой концерт с Рихтером во Львове был невероятно запоминающимся, после которого мы пошли поужинать именно домой, и моя мама готовила нам еду.

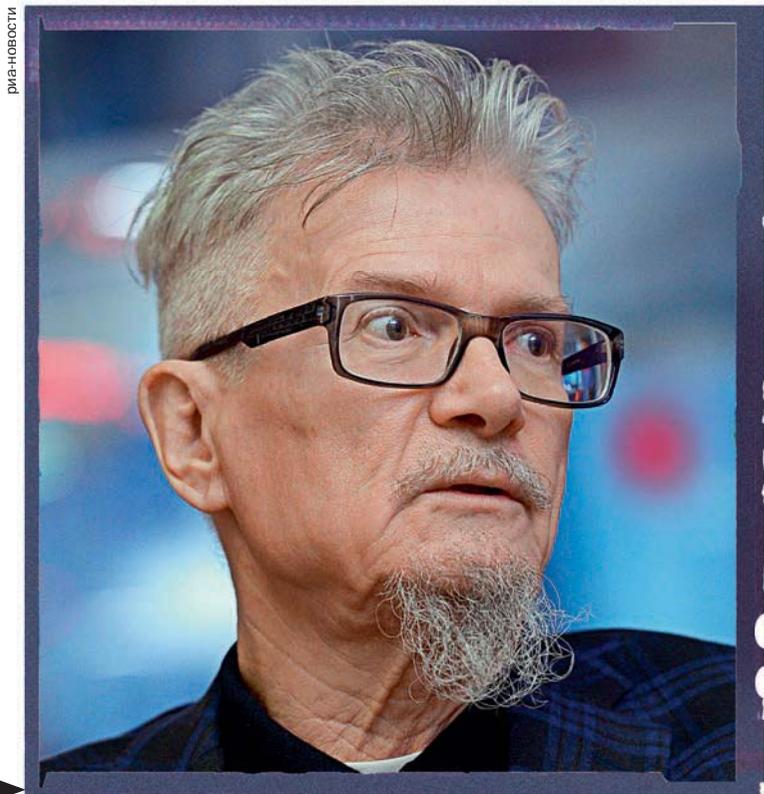
А дом-концерты — это как бы моя жизнь. Я уверен, что дом — это то место, где человек чувствует себя прежде всего даже не комфортно, а, я бы сказал, в «своей тарелке». Где есть какие-то объективные понятия именно для самого себя. Так вот, для меня концертные залы, сцена, репетиции, небольшое время перед концертом, когда публика собирается, а я разыгрываюсь или переодеваюсь в артистической, ну и, конечно, само выступление, некая точка данного конкретного дня — это и есть во многом моя жизнь. Сцена — это и есть для меня мой дом в понимании ощущений чего-то очень знакомого.

Но и в рамках концертной жизни с ее бесконечными перелетами, когда прилетел, порепетировал, на следующий день еще одна репетиция, концерт и улетел, есть свои какие-то точки ежегодные, которые ждешь чуть по-другому, с особенными ощущениями. Есть места,

куда я прилетаю каждый год и где я провожу больше времени. Это города, где у меня проходят фестивали. Таких городов немало: у меня есть фестиваль на острове Эльба в Италии, есть фестиваль в Проксеко, есть фестивали в Ярославле, Хабаровске, академия в Самаре. Конечно, совершенно особые ощущения у меня возникают, когда я прилетаю в Сочи на свой Зимний фестиваль искусств. В этом году сочинскому фестивалю исполняется уже 10 лет, мы празднуем первый серьезный юбилей. Это такие потрясающие ощущения, что, откуда бы я ни летел в Сочи, везде в Европе зима, и в Сочи том же как бы зима, но ты прилетаешь, а на улице плюс 10, плюс 15, порой температура в феврале поднимается и еще выше, и сразу чувствуешь, где ты. Этот морской воздух зимой, солнце, потрясающее море зимнее. Ну и, конечно, огромное количество воспоминаний о концертах, артистах, разных вещах эмоциональных, которые за 10 лет

успели в больших количествах накопиться даже в подсознании. Я иду в свою артистическую, в одну и ту же на протяжении всего этого времени. Знаю город уже отлично, а главное — это люди, которые меня ждут, встречи с которыми я жду тоже весь год, и какое-то такое единение именно как родственное практически возникает. Момент сопереживания невероятно усиливается. Вот это, наверное, для меня во многом и является таким, может быть, более широким, чем в обычном смысле, но понятием дома. Место, где есть ощущение невероятно понятного, знакомого и близкого и есть понимание того, что тебя ждут. **И**

Землянка с автоматами

текст: эдуард лимонов рисунок: нина кузьмина

Писатель **Эдуард Лимонов** в новой колонке, написанной для «РП», вспоминает малышачью команду своего детства, как они рыли землянку — которая, как потом выяснилось, очень похожа на тюремную «хатку». Но тогда он этого еще не знал.

Я НЕ ПОМНЮ, что я там пиццал, как я их завлек, какую речь произнес (смешное, должно быть, зрелище: малышонок-вождь в коротких штанишках с бретельками произносит речь, призывает малышню, жестикулируя, как взрослый оратор...), но мы стали копать в этом кирпичном коллекторе с металлическими трубами, рукоятками и штурвалами на дне его.

Повозились там, осматриваясь, повесили тряпку на вход, чтобы взрослые за нами не шпионили, выбрали себе стену и стали планомерно разрушать кирпичи.

Что именно мы делали, я за давностью лет не помню, все-таки семь десятков лет прошло. Как мы вытащили детскими ручонками первые кирпичи. Выскребли, что ли, цемент между ними, а потом пошли откалывать мелкие щепы кирпича?

Затрудняюсь сказать, но у меня, главного архитектора, стоял перед глазами чертеж — цветная картинка, должно быть зацепленная детским глазом из какого-то фильма про войнуху: свечка на столе обнажает деревянные нары, застланные солдатскими одеялами, в пролетах между нарами видны земляные, кое-как крашенные стены с подпорками. И на этих стенах на гвоздях — связки автоматов. И географические карты.

Прошел по советским экранам уже фильм «Падение Берлина» — первый цветной советский. Вот не помню, появлялась ли в фильме землянка. Зато теперь, умом взрослого, седого мужика понимаю, что мой идеал был как две капли воды похож на схрон ненавистных мне западнцев-бандеровцев.

Кирпичную кладку в ширину одного кирпича преодолев, мы оказались один на один с украинской почвой. То была еще настоящая мать сыра земля, маслянистый чернозем старого, несовременного мира,